

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.1.5>

Кириллова Анна Сергеевна

Жанр рецензии в критике А. Р. Кугеля

Целью данной статьи является изучение критических работ А. Р. Кугеля с точки зрения их принадлежности к жанру литературной и театральной рецензии. Исследован ряд публикаций критика в журнале "Театр и искусство" за все время существования издания. Проведенный анализ показал, что критические статьи Кугеля можно считать и литературными, и театральными. Помимо этого, в материалах критика были выявлены навыки журналистской работы в способах предоставления информации, наличии публицистического стиля и выбора жанровой палитры. В работе обобщен материал по проблеме рецепции новых театральных и драматургических форм в критической эстетике А. Р. Кугеля.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2020/1/5.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 1. С. 27-30. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2020/1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

The Apollonian and the Dionysian in M. Tsvetaeva's Poem "Seven Hills – Just Like Seven Bells!"

Ibatullina Guzel' Mrtazovna, Doctor in Philology, Associate Professor
Bashkir State University (Branch) in Sterlitamak
guzel-anna@yandex.ru

The article for the first time examines the functions of the "Apollo – Dionysus" mythologeme in M. Tsvetaeva's poem "Seven Hills – Just Like Seven Bells!", this fact determines relevance and originality of the study. The researcher analyses the poem's figurative system, specificity of composition and lyrical story development. The conclusion is made that the Apollonian and the Dionysian in the poetess's world picture relate to each other as "opposites constituting a single whole", which ensures cosmic harmony of existence. At the same time, spontaneous elements of the heroine's soul turn ambivalent balance of the surrounding reality to internal duality of her consciousness, which determines dramatic nature of her world perception.

Key words and phrases: M. Tsvetaeva; the Dionysian; the Apollonian; the solar-chthonic; mythologeme; paradigm; ambivalence.

УДК 82-2+792.072

Дата поступления рукописи: 14.12.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.1.5>

Целью данной статьи является изучение критических работ А. Р. Кугеля с точки зрения их принадлежности к жанру литературной и театральной рецензии. Исследован ряд публикаций критика в журнале «Театр и искусство» за все время существования издания. Проведенный анализ показал, что критические статьи Кугеля можно считать и литературными, и театральными. Помимо этого, в материалах критика были выявлены навыки журналистской работы в способах предоставления информации, наличии публицистического стиля и выбора жанровой палитры. В работе обобщен материал по проблеме рецепции новых театральных и драматургических форм в критической эстетике А. Р. Кугеля.

Ключевые слова и фразы: литературная и театральная критика; А. Р. Кугель; театр и драматургия конца XIX – начала XX в.; жанр рецензии; портретный очерк; юбилейная статья; путевой очерк; зарисовка нравов.

Кириллова Анна Сергеевна

Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина
evdokimova-anna@list.ru

Жанр рецензии в критике А. Р. Кугеля

«Театр и искусство» – примечательное явление в истории русской журналистики. Специализированный журнал, посвященный театру, выходящий с 1897 г. по 1918 г., с первых номеров заявил о себе как о профессиональном, серьезном издании и вскоре заслужил авторитет у аудитории, увлекающейся театральным искусством. Вопросам специфики данного журнала посвящено немало научных исследований, а журналистское и творческое наследие создателя и главного редактора этого издания, А. Р. Кугеля, реже становилось объектом научного исследования. Однако на сегодня имеется мемуарная литература (воспоминания А. В. Луначарского, Н. Н. Евреинова, З. В. Холмской и др.), а также ряд научных публикаций Ю. К. Герасимова [2], В. М. Гаевского [1], И. В. Погильдяковой [13]. Пьесы Кугеля и биографическая справка о нем были опубликованы Н. Бук в примечательном собрании «Кабаретные пьесы Серебряного века» [3].

Актуальность данного исследования связана с активной полемикой в культурной среде, начавшейся еще в конце XIX века, о месте режиссера в современном театре, о проблеме интерпретаций драматургических текстов на театральных подмостках, чему в свое время посвятил большую часть своих работ А. Р. Кугель.

Палитра жанров в творчестве Кугеля достаточно велика: очерки (портретный, путевой, исторический), юбилейные статьи, некрологи, колонки, заметки, отчеты, обзоры и рецензии. Такое разнообразие жанров говорит о том, что Кугель мог писать не только как критик (как правило, на рубеже веков критики не стремились к разнообразию форм подачи материала), но и как журналист. Поэтому **цель** работы – доказать читателю, что рецензии Кугеля совмещают в себе методы работы, навыки и качества как критика, литературного и театрального, так и журналиста.

Для достижения поставленной цели планируется решить следующие **задачи**: проанализировать опубликованные рецензии Кугеля за все время выхода журнала «Театр и искусство» на наличие в них структурных и стилистических элементов, характерных для профессиональной критики и журналистского материала, рассмотреть рецензии с точки зрения их соответствия типу театральной и литературной критики, оценить профессионализм Кугеля по его всесторонней образованности и интуитивному восприятию достойных явлений искусства. **Научная новизна** работы заключается в обобщении материалов по проблеме рецепции новых театральных и драматургических форм в критической эстетике А. Р. Кугеля.

Александр Рафаилович Кугель – критик, основатель первого в России театра миниатюр – «Кривое зеркало», редактор известного и авторитетного на рубеже XIX–XX вв. журнала «Театр и искусство», был также постоянным автором своего издания. Кугель публиковал свои статьи под разными псевдонимами: самый известный – *Ното novus* («новый человек» – лат.), другими псевдонимами были Н. Негорев (также в различных сокращенных вариантах), А. Туманский, N. N. Почти в каждый номер «Театра и искусства» был включен материал редактора.

Главной и, можно сказать, персональной рубрикой А. Р. Кугеля были «Театральные заметки», или «Заметки». Как правило, под «Театральными заметками» критик подписывал свою настоящую фамилию и публиковал в большинстве случаев рецензии. Обычно разбор произведений драматургии и театральных спектаклей излагался критиком в свободной форме, однако некоторая схема анализа все же прослеживалась.

Можно сказать, что рецензии Кугеля настолько же литературные, насколько и театральные. Так, первая половина текста, как правило, посвящена литературной основе – самой драме. Сюда, как и в любую классическую рецензию, включено 4 ключевых аспекта: 1) сообщение об авторе и месте произведения в контексте творчества данного автора, 2) сообщение о произведении (пересказ сюжета), 3) анализ содержания, 4) анализ формы. Вторая половина рецензии – оценка сценического воплощения пьесы: 1) режиссерской интерпретации, 2) игры актёров, 3) сценографии.

Далеко не в каждой рецензии А. Р. Кугеля присутствуют все вышеперечисленные пункты. Более того, иногда критик ограничивался анализом только литературной основы или только разбором спектакля. Кугель акцентировал внимание в своем материале на тех моментах, которые считал либо наиболее значимыми и талантливыми, либо заслуживающими наибольшего порицания, причем неважно, шла речь о литературном произведении или о постановке в театре. Однако стоит отметить, что именно в жанре рецензии разбор спектакля без опоры на литературный источник – явление более редкое, чем анализ самого драматургического текста без отсылки к постановке. Нам кажется это интересным дополнением к характеристике Кугеля как театрального критика, учитывая тот факт, что к вопросу о степени зависимости театра от литературы Кугель подходил достаточно категорично в своих программных статьях. Критик утверждал, что театр не должен зависеть от литературы, что последней не место на подмостках, если она не учитывает законы сцены. Главное место в театральном искусстве Кугель отводил актеру и огромное количество журналистских материалов в различных жанрах посвящал представителям артистического цеха. Хотя в рецензиях на новые постановки, особенно по современным пьесам, большую часть текста все же отводил именно анализу литературного источника. Рассмотрим на конкретных примерах схему критического разбора пьесы и спектакля в рецензиях Кугеля.

Как мы уже отмечали выше, рецензия содержит, во-первых, *сообщение об авторе драмы*. Если речь шла о начинающем драматурге, то критик как бы знакомил его с читателями: давал сведения из биографии автора и отсылки к его предыдущим сочинениям. Если статья была посвящена произведению уже прославленного писателя, то она сопровождалась характеристиками его творчества современниками или словами самих драматургов о своем творении. Например, в рецензии на пьесу М. И. Чайковского «Борцы» критик писал: «А г. Модест Чайковский – петербургский автор, о, какой петербургский! О г. Модесте Чайковском мне приходилось писать неоднократно... <...> В его произведениях анекдот всегда преобладает над идеей <...> Так, “День в Петербурге” – это аналогия земского начальника, перенесенного в обстановку Чацкого и Альцеста. Так, “Боязнь жизни” представляет апофеоз безусого правоведа или лицеиста, долженствующего изображать Чайльд Гарольда или, по крайней мере, Печорина» [4, с. 836].

В материале о спектакле Московского художественного общедоступного театра «Дядя Ваня» по пьесе уже хорошо известного публике А. П. Чехова Кугель отмечал: «Г. Чехова упрекали в “протоколизме”, в “безразличии” и еще в чем-то. Если не ошибаюсь, на безразличие г. Чехова обратил внимание г. Михайловский, и смысл его замечаний был таков, насколько мне память не изменяет, что г. Чехов пишет все, что видит. Это не совсем так, или вернее, совсем не так» [5, с. 168].

Во-вторых, рецензия критика обязательно включала в себя *анализ идейного содержания произведения* с точки зрения его актуальности, философской концепции, общественной значимости. Кугель в своей критике не раз утверждал, что идея пьесы – ее основа, и если она ложная, то никакие перипетии сюжета произведение «не спасут». Так, основная мысль пьесы Л. Н. Андреева “*Gaudeamus*” представляется критику крайне неудачной: «Я вообще нахожу, как выше уже изложено, фальшивой саму идею, обрядив седовласого в студенческую тужурку, спать его интимно, сердечной близостью с компанией настоящих студентов. В одну телегу впрячь невозможно коня и трепетную лань. И истина эта столь очевидна и проста, что незачем было ее доказывать» [12, с. 702].

В рецензии на пьесу Н. Ю. Жуковской «Хаос» критик поясняет авторский замысел путем сопоставления современной общественной ситуации с библейским сюжетом о всемирном потопе: «Хаос или потоп... <...> Я бы предпочел “потоп”, потому что относительно потопа мы имеем библейское сказание. <...> Сколько лет было дано старой России на исправление – считать можно разное, но несомненно, что все сроки пропущены. <...> Эволюция могла бы делать незаметно, спокойно, без потрясений. Революция это делает бурно, стремительно, с насилием. Потом идет» [11, с. 70]. Стоит отметить, что рецензиям Кугеля свойственен публицистический тон в виде оценки политических, общественных, нравственных явлений действительности (особенно присутствие публицистического стиля заметно в жанре колонки, или зарисовки нравов).

В-третьих, чтобы читателю было легче следить за мыслью критика, в рецензии давался *краткий пересказ сюжета* или *главной сюжетной линии*: «Г-жа Жуковская берет очень интересную среду – важного петербургского бюрократа. Жена его увлекается освободительным движением, муж, естественно, защищает свою

“классовую позицию”. Во всей этой семье, состоящей из нескольких пар, революционный микроб с наибольшей силой гнездится в душе молодого князя Андрика. Он, насколько можно судить, активный “борец”, трудовик или, может быть, эсер. Но сторела родовая деревня Суздальщина, приехали старики из погромленных мест, не оправдали надежд ни женщина, ни революция, и, истерзавшись во всей этой сложной драме чувств и идей, Андрик, по воле цензуры, застреливается» [Там же, с. 71].

Четвертый аспект – *анализ художественной формы* – затрагивал такие элементы литературного текста, как завершенность и правдоподобность образов, обусловленность поведения персонажей, художественные детали. Так, в пьесе «Хаос» Кугель отмечает некоторые противоречия в характере главного героя: «Изображая среду, в которой жил, рос и воспитывался Андрик, автор умолчал о том, что если Андрик точно быть тем, чем он рисуется в пьесе, он уже давно являлся отрезанным ломтем в своей семье, и среди своих близких. Или он не был тем, чем автор хотел его выставить. Идеалы и стремления, самая “классовая позиция” Андрика и его семьи так противоположны, так различны, что тут было столкновение положительного и отрицательного электричества, и искра пожара должна была вспыхнуть давным-давно, едва герой научился лепетать, едва его коснулась сознательность» [Там же].

В пьесе Л. Андреева Кугель также находит промахи в детерминированности поведения персонажей с учетом их социальных ролей: «Фальшиво, что в среду студенческой богемы, единый знаменатель которой – живу яко птица небесная – введена богатая девушка в шелках и соболях... Напрасно Дина богата, напрасно. Она нарушает гармонию, оттеняя радужными цветами студенческую голь» [12, с. 700].

Темы режиссерской интерпретации Кугель в большинстве случаев касался тогда, когда речь шла о постановках МХТ Станиславского или театра Мейерхольда. Работы этих режиссеров чаще всего вызывали вопросы у критика. Он считал, что те методы, которые эти режиссеры применяют при постановке спектакля, подавляют и актерский талант, и авторскую волю. Так, пьесу А. П. Чехова «Иванов», как считал Кугель, Станиславский показал на сцене крайне легковесной. Режиссер не разглядел в тексте Чехова ни стилизацию под «старые театральные образцы», ни «сильные сценические положения» [8, с. 275].

Кугель считал, что Мейерхольд, несмотря на свою программу создания «условного театра», на самом деле недалеко ушел от Московского Художественного театра. МХТ и театр Мейерхольда, писал Кугель, – «это два полюса, но в одной и той же плоскости, и имя этой плоскости – театр режиссера, а не автора и не актеров, и это основное сходство превращает идеи г. Мейерхольда во вспомогательный отряд главнокомандующего г. Станиславского» [10, с. 730].

Например, постановка Мейерхольда «Гедда Габлер» Г. Ибсена в театре В. Ф. Комиссаржевской, утверждал критик, совершенно не соответствует замыслу драматурга. По его мнению, в отличие от некоторых других пьес Ибсена, в «Гедде Габлер» нет никаких намеков ни на символизм, ни на мистицизм, которыми «наводнил» свой спектакль Мейерхольд. Кроме того эту пьесу нельзя лишать бытовых подробностей, так как они, по замыслу Ибсена, создают контраст между тонкой психологией главной героини и окружающей ее грубой средой. Убрать вещи, писал Кугель, значит «вычеркнуть действующие лица» [Там же, с. 723]. Возмущает критика и то, что Мейерхольд не идет за драматургом даже на уровне ремарок: «Мужчины все почему-то без бороды и усов, – хотя у Ибсена ясно сказано, у какого какие усы и у кого какая борода» [Там же, с. 731].

А. Р. Кугель, известный в своё время защитник артистического цеха, провозглашающий главным лицом театрального искусства актера и опубликовавший целую серию портретных очерков о выдающихся талантах сцены, отмечал в рецензиях не только достоинства или недостатки актерского исполнения в конкретном спектакле, но и характеризовал актера с точки зрения его творческой эволюции или наоборот, деградации. Это говорит о том, что критик внимательно следил за театральной судьбой многих исполнителей сцены.

Так, например, Кугель пишет об актрисе Е. М. Раевской, одной из исполнительниц роли Дины в спектакле “*Gaudeamus*” по пьесе Л. Андреева: «Г-жа Раевская, например, даровитая актриса. Я ее помню на школьной скамье и тогда же предсказал хорошее будущее. Она очень обыгралась в провинции, но, к сожалению, там же приобрела известный трафарет “героини”, немножко, как всегда водится, “роковой женщины”. Но Дина – девушка, сама молодость, нежность, робость. <...> Г-жа Раевская, немножко резко загримированная еврейкой, так и начала, и это было хорошо. Но потом вспыхнуло провинциальное амплуа – молодая героиня – и уже это было нехорошо, потому что нарушало гимн молодости» [12, с. 702].

В своих рецензиях критик дает общую характеристику игры и детальную, отмечая отдельные моменты исполнения. Так, Кугель обобщенно описывает игру М. Г. Савиной и В. П. Далматова в спектакле А. А. Санина «Месяц в деревне» по пьесе И. С. Тургенева: «Именно такими воображаешь себе Наталью Петровну и Ракидина. Но, как будто остерегаясь оступиться и разбить зеркальный пол, они играли робко, касаясь ролей “перстами легкими как сон”. Это было очаровательно, хотя подернуто какою-то дымкою. Мне казалось, что я смотрю на сцену через широкое стекло бинокля, и люди представлялись мне далекими-далекими и в то же время такими отчетливыми» [7, с. 916].

О высоком профессионализме критика в области исполнительского мастерства можно судить по тем деталям, которые он описывает в актерской игре: «Г-жа Мичурина создана для женщин строгих, для фигур античных, для символов беспощадных, как судьба. Она прекрасно, красиво, аристократически плакала, когда продали вишневым сад, но в первых актах, да и в последнем хотелось бы больше озарения улыбкой – этой милой, женской улыбки, которая называется надеждой» [9, с. 645].

А. Р. Кугель хорошо разбирался не только в вопросах актерского мастерства, но и в вопросах сценографии. В своих рецензиях критик попутно давал советы или делал замечания по цветовому и световому решению

постановки, по наличию или отсутствию бутафории и декораций, по гриму, костюмам, музыкальному и звуковому сопровождению. Так, ремарку о «лопнувшей струне» в пьесе «Вишневый сад» Кугель предлагал воплотить следующим образом: «Звук “лопнувшей струны” и появление босяка еще более усиливают тревогу, еще сильнее говорят о разрушении. В Александринском театре, как и в Художественном, это смято и неверно передано. Для того, чтобы выделить “звук струны”, надо дать перед ним ажитацию, а после него глубокую паузу, сильный, нервный “шок”. Иначе это проходит бесследно» [Там же, с. 644].

Некоторые замысловатые декоративные решения заслуживали у критика саркастические реплики. Кугель считал живопись, сложные изобразительные решения, зрительные эффекты в театре явлением посторонним. Например, в рецензии на спектакль «Орленок» Э. Ростана в театре Сары Бернар критик отметил реалистичные декорации с перспективой, которые создают «утроенное впечатление простора», однако попытка окунуть зрителя в мрачную атмосферу кладбища не получила у Кугеля поддержку: «Когда же встали мертвецы из гробов, и старые инвалиды, убитые на полях Ваграма, кряхтя и собирая рассыпавшиеся кости, славословят Наполеона – выходит такая балаганщина, которой не хватает только зеленых огней и танцующих ухватов, как в былое время на балаганах Марсова поля» [6, с. 498].

Итак, рецензии А. Р. Кугеля можно вполне считать как театральными, так и литературными. Критик с большим вниманием и с высоким профессионализмом подходил к оценке явления драматургии и театра. Включенность в современные литературный и театральные процессы, глубокие познания в области истории драматургии и сценического искусства, публицистичность, выраженная в неравнодушном отношении к проблемам актерского цеха, прав автора, будущего театрального искусства, характеризуют Кугеля как истинного знатока русской и европейской сцены, человека с тонкой интуицией, восприимчивой к истинно художественным ценностям. Критик, придерживаясь правил классической рецензии, часто выходил за рамки жанра, тяготеющего к исследовательской работе, чтобы сделать материал увлекательным и доступным для читателя. В то же время журналистское наследие Кугеля несложно классифицировать по жанрам. Его материалы были написаны в жанрах портретного очерка, юбилейной статьи, путевого очерка, зарисовки нравов, или в современной терминологии – колонки, отчета, некролога и др. Это умение работать в разных жанрах говорит о том, что Кугель обладал даром и мастерством журналиста. Поэтому можно утверждать, что не только в истории отечественной критики, но и в истории русской журналистики А. Кугелю принадлежит достойное место.

Список источников

1. Гаевский В. М. Комментарии к избранным текстам Кугеля // Театр. 2003. № 3. С. 95-102.
2. Герасимов Ю. К. А. Р. Кугель // Очерки истории русской театральной критики: конец XIX – начало XX века. Л.: Искусство, 1979. Кн. 3. С. 70-90.
3. Кабаретные пьесы Серебряного века / сост., подг. текста, вступ. ст., биографические очерки и примечания Н. Букс. М.: ОГИ, 2018. 569 с.
4. Кугель А. Театральные заметки // Театр и искусство. 1897. № 46.
5. Кугель А. Театральные заметки // Театр и искусство. 1900. № 8.
6. Кугель А. Театральные заметки // Театр и искусство. 1900. № 28.
7. Кугель А. Театральные заметки // Театр и искусство. 1903. № 48.
8. Кугель А. Театральные заметки // Театр и искусство. 1905. № 17.
9. Кугель А. Театральные заметки // Театр и искусство. 1905. № 40.
10. Кугель А. Театральные заметки // Театр и искусство. 1906. № 47.
11. Кугель А. Театральные заметки // Театр и искусство. 1907. № 4.
12. Кугель А. Театральные заметки // Театр и искусство. 1910. № 38.
13. Погильдякова И. В. Категория «амплуа» в театральной концепции А. Р. Кугеля // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. 2012. № 3 (75). С. 169-172.

Review Genre in A. R. Kugel's Criticism

Kirillova Anna Sergeevna

*Ryazan State University named after S. A. Yesenin
evdokimova-anna@list.ru*

The article analyses A. R. Kugel's critical works from the viewpoint of their affiliation to the genre of literary and theatrical review. A. R. Kugel's publications in the magazine "Teatr i Iskusstvo" ("Theatre and Art") for the entire period of its existence are examined. The conducted research shows that Kugel's critical articles can be considered as literary and theatrical ones. Kugel's journalistic skills concerning information presentation, development of publicistic style and choice of the genre palette are revealed. The paper summarizes the material concerning the reception of new theatrical and dramaturgic forms in A. R. Kugel's critical aesthetics.

Key words and phrases: literary and theatrical criticism; A. R. Kugel; theatre and dramaturgy of the end of the XIX – the beginning of the XX century; review genre; essay-portrait; anniversary article; travel essay; sketch.